

А.А. Джунисова*, С.Е. Калдыкозова

*Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан
(E-mail: ms.aad19@mail.ru, Sandugash.73@mail.ru)*

Жанровая форма и метод изображения в сказке «Несмеяна-царевна»

В статье русская народная волшебная сказка «Несмеяна-царевна» рассмотрена в системном плане. В центре внимания — выявление содержательных и формальных признаков в ткани эпического произведения. Особое внимание уделено проблеме жанровой формы и метода изображения на всех этапах (4) анализа эпического произведения по принципу изоморфизма. Изоморфизм адекватен закономерной связи «хаоса» и «порядка» в соотносительности содержания и формы изучаемых категорий в системе текста. Признаки нереалистического изображения, выявленные на первом этапе, на втором системно подтверждаются конфликтом личности, уточняются на третьем, а на четвертом этапе раскрываются черты конкретного метода изображения. Наряду с искомыми приметами характера изображения и жанровой разновидности конкретизируются жанровая разновидность, жанр, раскрываются тема, идея, родовые приметы, стиль произведения.

Ключевые слова: жанровая форма, метод изображения, система содержания и формы, нереалистичное и конкретное изображение, эпическое произведение.

Введение

Русские народные волшебные сказки рассматривались в свете проблем систематизации и классификации, влияния ведийской брачной традиции, анализа эпитетов образа царевны, сквозь призму мифологии, лексических средств репрезентации внешнего облика женских персонажей [1–5].

Актуальность темы обусловлена, во-первых, тем, что избранная нами сказка «Несмеяна-царевна» еще не стала объектом отдельного исследования, тем более в системном аспекте [6]. Во-вторых, актуальность темы заключается в дискуссионности проблемы жанровой формы и метода изображения на материале сказочной прозы.

Объектом исследования является изучение системного проявления объектной темы, инвариантной темы, рода, метода изображения, жанровой формы, жанра, жанровой разновидности и стиля произведения сказочной прозы на материале сказки «Несмеяна-царевна».

Предмет изучения — изоморфизм содержательных и формальных компонентов четырехуровневой системы в сказке, раскрываемый на основе методологии и методики комплексного изучения четырехэтапного анализа [7].

Результаты и их обсуждение

I-й этап представляет собой анализ заглавия сказки «Несмеяна-царевна». Его функция заключается в определении главенствующих уровней содержания и формы в целях раскрытия знакового смысла, фабулы, характера изображения и жанровой разновидности. Обращаемся к словарному значению слов названия «Несмеяна-царевна»: Несмеяна — женщина, которую трудно рассмешить; царевна — дочь царя [8; 352, 756]. Эпитеты-существительные, выраженные приложением, могут выражать род деятельности героини, ее положение, потому чаще всего используются в качестве названия (Г.А. Гаспарова). Так, название «Несмеяна-царевна» отражает социальное положение главной героини в обществе. Знаковый смысл (ЗС) — в чувстве печали. Фабула заключается в изображении борьбы между печалью и весельем. На нереалистический характер изображения указывает смысловой антоним к названию: «Несмеяна-царевна» — смеющаяся царевна. Главенство сюжетно-композиционного уровня (СКУ) обусловлено конфликтом и системой образов. Отсюда вытекает психологическая жанровая разновидность.

Роль II-го этапа — разграничить завязку и развязку. Завязка совпадает с 23-м абзацем по первому и шестому критериям (с названием; с появлением главного героя, действующего лица или последнего из главных персонажей). Последний абзац и есть нижняя граница хронотопа настоящего време-

* Автор-корреспондент. E-mail: ms.aad19@mail.ru

ни: «Тотчас его во дворец...». Конфликт личности — основа объектной темы (ОТ): центральным выступает образ царевны Несмеяны, вокруг которой разворачиваются события, исход которых определила встреча с работником. Суть конфликта определяет нереалистический характер изображения и психологическую жанровую разновидность. Экспозиция сказки — примета малой жанровой формы.

III-й этап — анализ развязки. Темой активного центра (АЦ) произведения «Несмеяна-царевна» является чувство сомнения. Наблюдаем синтез признаков трех родов литературы — лирики, драмы и эпоса — при доминировании эпического. Отсюда изображение переживаний героя (эмоциональная лексика: «Стал перед царским лицом молодец молодцом!», «царское слово сдержал», «что обещал, то и даровал», «не во сне ли это работнику снилось?», «истинная правда», «надо верить») [6; 256]. Переживание передается повествованием о работнике, который был вознагражден царем; о повествователе. Прямая речь и «событие самого рассказывания» характерны драматическому роду. Количество ситуаций (2), количество героев (три главных: царь, работник, повествователь), объем (2 абзаца из 4 предложений) выражают малую жанровую форму. Тип начальной синтагмы активного центра («Тотчас его...») — психологический. Авторской установки не наблюдаем в последнем предложении (ПП) («Заверяют, что нет, истинная правда была, — так надо верить») [6; 256]. Выражения («не во сне ли это работнику снилось» — «истинная правда была») [6; 256] в смысловой части (СЧ) раскрывают потенциальный смысл (чувство сомнения). Антоним — действительность. Первичное читательское восприятие складывается из понимания читателем удачной развязки. Романтический метод указывает на приметы сказки: сказочная формула («молодец молодцом!»), чудесное перевоплощение работника в зятя короля, приказ короля, резкий контраст между сомнением и действительностью. Экспрессивная лексика («истинная правда»), вопросительные знаки, прием повтора («царь, царским, царское» — 3, «работник» — 2, «что» — 2) с преобладанием цифры 2 (беспокойства) раскрывают выявленный нами конфликт.

IV-й этап — анализ микрофокусов и фокусов в обратном движении от активного центра. Произведение «Несмеяна-царевна» состоит из 3 микрофокусов (МФ) и 1 фокуса (Ф).

Тема 1-го микрофокуса — в грусти. Приметами эпического рода служит повествование: о Несмеяне-царевне; о грустившем за дочь отце; о приказе короля. Лирический род обусловлен выразительной лексикой, отражающей внутренние переживания героев («велик божий свет», «богатые и бедные люди», «призирает и рассуждает господь», «живут роскошные — и празднуют», «живут горемычные — трудятся», «своя доля», «в царских палатах», «княжьих чертогах», «в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна», «какое ей было житье», «какое приволье», «какое роскошье!», «не улыбалась», «не смеялась», «не радовалась», «горько царю», «печальная дочка» «горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь», «будет женою», «закипел народ», «начались пиры», «попились меды», «не смеется») [6; 254]. Проявление драматического рода продиктовано диалогом, а также «событием самого рассказывания». 2 героя (Несмеяна-царевна, отец), 11 предложений, 3 ситуации говорят о малой форме. Жанровая разновидность («Как подумаешь...») — психологическая. Реальные знаки («начались пиры, попились меды» — «царевна все не смеется») [6; 254] наблюдаем в заключительном предложении («Со всех сторон едут, идут — и царевичи, и княжечичи, и бояре, и дворяне, полковые и простые; начались пиры, попились меды — царевна все не смеется») [6; 254]. Потенциальный смысл — в грусти, антоним — веселье. Смысловая часть содержит пару авторских установок («живут роскошные — и празднуют» — «живут горемычные — трудятся», «все есть, чего душа хочет» — «она не улыбалась») [6; 254], подтверждающих противоречивость грусти и печали. «Следы» объектной темы (ОТ) и романтический метод изображения обусловлены описанием жизни царевны; переживаниями отца за дочь; резким контрастом между грустью и весельем, между простыми и богатыми. Приметой сказки служит присказка. Нагнетание в изображении внутреннего состояния героев («Никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось», «горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь») [6; 254] — экзистенциальный штрих. Эпитеты, эмоциональная лексика («живут роскошные», «живут горемычные», «было приволье», «было роскошье», «чего душа хочет», «сердце не радовалось», «горько было отцу», «закипел народ», «полковые и простые», «попились меды») [6; 254] и прием повтора («живут» — 3, «всех» — 2, «царские палаты» — 2, «княжьих» — 2, «роскошье» — 2, «Несмеяна-царевна» — 2, «не смеялась» — 2) при главенстве цифры 2 отображают состояние царевны и отца-короля в свете происходящего. Интересным представляется наблюдение использования красочных и выразительных эпитетов, эпитетов-прилагательных изобразительно-выразительного характера для описания места, в котором проживала царевна («в царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему», «какое приволье, какое роско-

шьё»). Лексика для описания атрибутов царевны играет, по мысли Люй, дополнительную роль в идеализации образа.

Во 2-м микрофокусе повествуется о работнике; о проделанной работе и заработке работника; о трижды потерянных деньгах; о счастливой концовке. Диалог и «событие самого рассказывания» — черты драматического рода. Эмоциональная лексика («честной работник», «беспрестанные труды», «человек богатый», «заплакал», «затужил», «я худо рачил», «мало трудился», «огнем горит», «душа хочет», «все буетеет», «не сдержать», «благодарить», «наградил и обрадовался») [6; 255] раскрывает чувства и переживания героев. Малый объем (21 предложение), 4 ситуации, 2 главных героя (работник, который является в сказке положительным героем; хозяин) указывают на малую жанровую форму. Жанровая разновидность («На другом конце...») — психологическая и философская (синтагма выражена хронотопом времени: где?): философский момент, на наш взгляд, проступает в вопросе отношения к труду, к потерям денежным. Искренность работника к труду, усердие, терпение, честность (не взять лишнего) подкупает. Его труд вознаграждается. Концовка микрофокуса подготавливает «почву», предопределяющую череду встреч. Предложение («Подобрал он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!»») [6; 255] не содержит антонимы. Потенциальный смысл — в чувстве радости, а антоним — грусть. Авторские антонимы в смысловой части («работник» — «хозяин») [6; 255] выражают конфликт между радостью и грустью. «Следы» объектной темы и романтическое изображение (резкий контраст между радостью и грустью) отражены в следующем: деньги, выплывшие наверх, обрадовали работника (действительность), а потеря их опечалила его. В свете романтического изображения предстают приметы сказки: троекратность: работник трижды теряет деньги; три года работы; помощники трижды просят помощи у работника; хозяин трижды доверял работнику мешок денег; сказочный мотив — выплывшие наверх колодца деньги. Русской сказке характерен тавтологический повтор («кого благодарить, кому спасибо говорить»). Экспрессионистское изображение обусловлено выразительной лексикой и приемом повтора («он» — 6, «работник» — 5, «труды» — 5, «бог» — 4, «колодезь» — 3, «а сам вышел вон» — 3, «бери» — 3, «хозяин» — 2, «хочет» — 2, «другой» — 2, «двери» — 2, «мешок» — 2, «скот» — 2) при доминанте цифры 2 — беспокойства, связанного с тем, доведет ли работник дело до конца.

В 3-м микрофокусе повествуется о путешествии работника; о троекратной встрече с животными. Драматический род обусловлен диалогом и «событием самого рассказывания». Выразительная лексика служит чертой лирического рода («дорогой куманёк», «я тебе сама пригожусь», «не отказал»). О малой жанровой форме свидетельствуют 2 абзаца из 10 предложений, 2 ситуации, 4 героя (главный — работник; второстепенные — жук, сом, мышь). Тип начальной синтагмы («Подумал и пошёл...») — психологический. В заключительном предложении («Он и тому не отказал, последнюю отдал») [6; 256] не наблюдаем антонимов. Потенциальный смысл — в добродушии, антоним — равнодушие. В смысловой части отсутствуют реальные детали и знаки. «Следы» объектной темы: добродушие работника проявляется в том, что трижды раздает заработанное (действительность). В свете романтического изображения предстают сказочные приметы: троекратность, антитеза (работник — насекомое, рыба, мышь), антропоморфические черты (насекомые говорят на человеческом языке), мотив помощи (каждому попросившему — мыши, жуку, сому — работник раздает денежку). Экспрессивная лексика и прием повтора слов («ковалёк, дорогой куманёк», «дай денежку; я тебе сама пригожусь» — 3, «он» — 2, «дал» — 2, «ей» — 2) [6; 256] с символикой цифры 2 выражают беспокойство, ввиду возникающего у нас, читателя, интереса о дальнейших событиях.

3-й микрофокус предвещает завязку, потому его ПС выполняет прогностическую функцию. Обратимся к содержательным приметам:

1. Сопоставление ЗС (печаль) с потенциальным смыслом 3 МФ (добродушие) не обнаруживает контраста. Потому подтекст данной сказке не характерен, подтверждаясь системной связью 3 МФ и «порядком» [9; 55] в развязке.

2. Предмет дальнейшего изображения — повествование о встрече работника с Несмеяной-царевной. ПС 3 МФ (добродушие) выражает естественное чувство — антропологический принцип.

К формальным признакам прогностического микрофокуса сказки «Несмеяна-царевна» относятся: отсутствие подтекста в жанре сказке; методы изображения, раскрытые в развязке. Верность определения завязки подтверждает потенциальный смысл 3-го микрофокуса.

Тема фокуса (кульминации) — в чувстве счастья. В нем повествуется о встрече работника с царевной; о его помощниках; о разрешении проблемы. М.А. Романенко прослеживает связь сюжета о завоевании невесты в русской сказке с сюжетом индоевропейского эпоса и мифологии — выбором

жениха для дочери царя. Честной работник рассмешил царевну, потому становится ее супругом. Смех, по Проппу, — символ возрождения к новой жизни. Со смехом героини пробуждается плодородие земли. Лирический род выражен экспрессивной лексикой («серебром-золотом убраны», «упал в грязь», «развеселил мою дочь»). Драматический род проявился в форме диалога и «события самого рассказывания». Малой форме присущи действие 6 героев (1 главный — работник; 5 второстепенных — Несмеяна-царевна, царь, сом, жук, мышка) в 3 ситуациях, объем в 13 предложений. Жанровая новизна («Сам пришел...») — психологическая. В последнем предложении («И указала на работника») [6; 256] отсутствуют реальные и потенциальные детали и знаки. Потенциальный смысл — в чувстве счастья, антоним — печаль. В содержании смысловой части ключевая пара авторских деталей («работник» — «царь», «Несмеяна-царевна» — «работник») передает определенный нами конфликт. Царя как отца осчастливили смех и улыбка дочери Несмеяны (действительность). В этом проявляются «следы» объектной темы. Очевидна связь романтического метода со сказочными приметами: чудесные помощники (сом, жук, мышка) отплатили добром на добро, придя на помощь работнику; с другой стороны, обращает внимание мотив неожиданности (сам того не ожидая, работник падает в грязь), вызывающий смех Несмеяны-царевны. Эмоциональная лексика и прием повтора («него» — 3, «Несмеяна-царевна» — 3, «глядела» — 3, «прямо» — 2, «работника» — 2) при главенстве символики завершения цифры 3 раскрывают благополучную развязку сказки.

Заключение

Выводы по изучению системы содержательных и формальных признаков сказки «Несмеяна-царевна»:

1 Сказка «Несмеяна-царевна» состоит из трех микрофокусов (темы), одного фокуса (проблема, или кульминация) и активного центра (развязка), что указывает на малую жанровую форму. Очевидно соответствие жанровой формы критерию художественности, обусловленному, во-первых, присутствием одного фокуса. Во-вторых, количеством героев (1–3 — главных, 3 — второстепенных), ситуаций (2–4) и объема (4–21 предложение).

2 Наблюдается синтез признаков трех родов литературы во всех смысловых частях при доминировании эпического.

3 Очевидно преобладание психологического типа начальной синтагмы (АЦ, 1 МФ, 2МФ, Ф) во всех четырех смысловых частях сказки. Во втором МФ — психологический и философский. Разнообразие жанровой разновидности указывает на соответствие критерию художественности.

4 Преобладание знаков во всех отрезках текста сказки свидетельствует об общечеловеческом плане конкретно-исторических проблем.

5 Очевиден изоморфизм смысловых частей сказки и в плане методов изображения. Доминирует романтический метод изображения, проступают черты экспрессионистского и символистского изображения.

6 ОТ (сомнение — действительность) пронизывает все смысловые части, а, в свою очередь, конфликты двух микрофокусов подготавливают фокус, он и раскрывает суть развязки, т.е. активного центра. Таким образом, мы обращаем внимание на изоморфизм содержания всех СЧ сказки.

7 ОТ и конфликты всех СЧ выражают борьбу между естественными чувствами и разумом [антропологическим (А) и просветительским (П) принципами эстетического идеала]. АЦ — сомнение (А); первый МФ — грусть (А); второй МФ — радость (А); третий МФ — добродушие (П); Ф — счастье (А). Очевидно доминирование естественных чувств над рассудочным. Это позволяет нам определить идею (инвариантную, т.е. неизменную тему — ИТ) произведения. Отсюда, инвариантная тема заключается в утверждении в качестве прекрасного гармонии естественных чувств и духовности.

8 Первичное читательское восприятие (понимание) совпадает со вторичным читательским восприятием (инвариантная тема, т.е. идея), что исключает подтекст. По жанру — сказка.

9 Сопоставляя ОТ и инвариантную тему, не наблюдаем противоречия (реалистический стиль мышления). О романтико-реалистическом стилевом синтезе можно судить по романтическому содержанию эстетического идеала коллективного сознания, интонации (повествовательной) и антонимам в развязке.

10 Итак, «Несмеяна-царевна» — малая по жанровой форме сказка, психологическая с философским планом, с чертами эпоса, лирики и драмы, романтико-реалистическая по стилевому синтезу.

Список литературы

- 1 Лутовинова Е.И. Тематические группы сюжетов русских народных волшебных сказок / Е.И. Лутовинова // Педагогическое искусство. — 2018. — № 2. — С. 62–68.
- 2 Иванов В.В. Отображение форм ведийского брака жанром волшебной сказки / В.В. Иванов, М.В. Дубинская // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. — 2014. — № 7. — С. 166–168.
- 3 Гасанова Г.А. Образ царевны в русских народных сказках (на материале эпитетов) / Г.А. Гасанова // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 6 (85). — С. 534–536.
- 4 Романенко М.А. Волшебная русская народная сказка сквозь призму мифологии / М.А. Романенко // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф., 2019. — С. 85–92.
- 5 Люй Ц. Лексические средства репрезентации внешнего облика женских персонажей в русской волшебной сказке / Ц. Люй // Мы говорим на одном языке: материалы Междунар. межвуз. студ. конф., заочно прошед. в РГГМУ. — СПб., 2020. — С. 37–41.
- 6 Русские сказки: из сб. А.Н. Афанасьева. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 254–256.
- 7 Кулумбетова А.Е. Система содержания и формы лирического, эпического и драматического художественного текста: учеб. пос. / А.Е. Кулумбетова, А.А. Джунисова, Г.К. Садуакасов, А.К. Мырзабекова. — Алматы: Искандер, 2008. — 178 с.
- 8 Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 5700 слов / С.И. Ожегов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 352, 756.
- 9 Пригожин И. Время, хаос, порядок. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1994. — 240 с.

А.Ә. Жүнісова, С.Е. Қалдыкөзова

«Несмеяна-царевна» ертегісіндегі жанрлық пішін мен бейнелеу әдісі

Мақалада «Несмеяна-царевна» ертегісі жүйелі түрде қарастырылған. Ұстанған бағыты — эпикалық шығармадағы мазмұндық және пішіндік белгілерін айқындау. Мұнда эпикалық шығарманы изоморфтық қағида бойынша талдау жасаудың барлық төрт кезеңінде реалистік емес бейнелеу және жанрлық пішіне басты назар аударылған. Бұл қағида «Несмеяна-царевна» шығармасы мәтін жүйесінде қарастырылған категориялардың мазмұны мен пішінінің арақатынасын ашып көрсететін «хаос» пен «тәртіптің» заңды байланысына ұқсас келеді. Бірінші кезеңде анықталған реалистік емес бейненің сипаты екінші кезеңде жүйелі түрде тұлғаның қақтығысы арқылы дәлелденеді, соңынан үшінші кезеңде реттеледі, төртінші кезеңде белгілі бір бейнелеу әдісінің ерекшеліктері ашылады. Нәтижесінде анықталып отырған бейнелеу сипатымен бірге шығарманың жанры, жанрлық түрі нақтыланып, шығарманың тақырыбы, идеясы, тек белгілері, стилі ашылады.

A.A. Zhunisova, S.Ye. Kaldykozova

Genre form and method of depiction in the fairy tale “Tsarevna-Nesmeyana” (“The princess who never smiled”)

The article considers the fairy tale “Nesmeyana-Tsarevna” systematically. The focus is on identifying content and formal features in the gist of an epic work. Special attention is paid to the problem of genre form and method of depiction at all four stages of the epic work analysis on the principle of isomorphism. The isomorphism is logical to the natural connection between “chaos” and “order” in the correlation of the content and form of the studied categories in the text system. The signs of an unrealistic image identified at the first stage are systematically confirmed by a personality conflict at the second stage, clarified at the third stage, and at the fourth stage, the features of a specific image method are revealed. Along with the sought-after features of the nature of depiction and genre variety, the genre variety, genre, theme, idea, generic features, and style of the work are specified.

Keywords: genre form, method of representation, system of content and form.

References

- 1 Lutovinova, E.I. (2018). Tematicheskie gruppy siuzhetov russkikh narodnykh volshebnykh skazok [Thematic groups of plots of Russian folk fairy tales]. Moscow: Pedagogicheskoe iskusstvo, 2, 62–68 [in Russian].

- 2 Ivanov, V.V., & Dubinskaya, M.V. (2014). Otobrazhenie form vediiskogo braka zhanrom volshebnoi skazki [Representation of the forms of Vedic marriage by the genre of a fairy tale]. *Interpretatsiia teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty — Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects*, 7, 166–168 [in Russian].
- 3 Gasanova, G.A. (2020). *Obraz tsarevny v russkikh narodnykh skazkakh (na materiale epitetov)* [The image of the princess in Russian folk tales (based on the material of epithets)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia — The world of science, culture, education*, 6, 85, 534–536 [in Russian].
- 4 Romanenko, M.A. (2019). Volshebnaia russkaia narodnaia skazka skvoz prizmu mifologii [Magic Russian folk tale through the prism of mythology]. *Teoriia i praktika prepodavaniia russkogo yazyka kak inostrannogo: dostizheniia, problemy i perspektivy razvitiia: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii — Theory and practice of teaching Russian as a foreign language: achievements, problems and development prospects. Materials of the VIII International Scientific and Methodological Conference*. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 85–92 [in Russian].
- 5 Lyu, Ts. (2020). Leksicheskie sredstva reprezentatsii vneshnego oblika zhenskikh personazhei v russkoi volshebnoi skazke [Lexical means of representing the external appearance of female characters in the Russian fairy tale]. *My govorim na odnom yazyke: Materialy Mezhdunarodnoi mezhvuzovskoi studentcheskoi konferentsii, zaochno proshedshei v RGGMU — We speak the same language. Materials of the international interuniversity student conference held in absentia at the RSHU*. (pp. 37–41). Saint Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi gidrometeorologicheskii universitet [in Russian].
- 6 Afanasiev, A.N. (Eds.). (1987). *Russkie skazki [Russian tales]*. (Vol. 1–5). Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].
- 7 Kulumbetova, A.E., Dzhunisova, A.A., Saduakas, G.K., & Myrzabekova A.K. (2008). Sistema soderzhaniia i formy liricheskogo, epicheskogo i dramaticheskogo khudozhestvennogo teksta [The system of content and form of lyric, epic and dramatic literary text]. Almaty: Iskander [in Russian].
- 8 Shvedova, Yu. (Ed.). (1986). *Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow: Russkii yazyk [in Russian].
- 9 Prigozhin, I., & Stengers, I. (1994). *Vremia, kaos, poriadok. K resheniiu paradoksa vremeni [Order and disorder. Time, chaos, order. Towards a solution to the paradox of time]*. Moscow: Progress [in Russian].